

# Мои встречи с А. М. Горьким

Мое знакомство с М. Горьким произошло заочно. Это было в начале осени 1902 года, когда после разгона первомайской демонстрации в Сормове я был схвачен царскими опричниками и в числе пяти других организаторов этого открытого революционного выступления заключен в левую угловую башню Нижегородского острога.

Алексей Максимович, живший в это время в доме № 19 по улице Семашко, стоял в центре рабочего движения. Моя будущая жена, поспевшая его вместе с подругой спустя некоторое время после демонстрации, рассказывала, что и о самой маевке и о ее участниках писатель знал все, вплоть до мельчайших подробностей.

— Умирать не надо, — говорил писатель. — Жены и невесты должны быть стойкими боевыми подругами, достойными своих мужей и женихов.

Для иллюстрации своих слов М. Горький вспомнил стихи итальянского поэта Леопарди, в которых рассказывается, как невесты и жены, прощаясь с воинами, уходящими в бой, подают им щиты и оружие. Стихи эти Алексей Максимович прочел с большим чувством.

В казематы нижегородского острога новости проникали весьма скупо. Я не знал о всей деятельности М. Горького по организации помощи участникам маевки. И все же еще задолго до суда над нами я убедился в безграничной солидарности писателя делу революции. Через посредство моей матери Анны Кирилловны Заломовой он ежедневно передавал мне обед и деньги. В то же время Горький приложил все силы, чтобы пригласить для нас лучших адвокатов.

С матерью Алексей Максимович установил связь при помощи Нижегородского комитета РСДРП. Она хорошо знала и помнила писателя еще ребенком, когда тот жил с родителями в красивой Кашириных. Словоохотливая женщина, она много рассказывала ему о таких семейных подробностях, которые могла знать только она — мать. Бесхитростные рассказы вызвали у Максима Горького большой интерес и послужили, наверно, психологической канвой для повести «Мать».

В разговорах с матерью Алексей Максимович был очень внимателен и к фактическому материалу, особенно к его деталям. Уже тогда задумав, вероятно, написать книгу о революции, Алексей Максимович нередко вынимал блокнот и что-то в него записывал.

Еще до появления повести мать мне рассказывала:

«Я пошла к дочери узнать, что с тобой приключилось. А какая-то женщина встречается.

— Куда идешь? А слыхала, говорит, заводи-то главного, который со знаменем был, на штыки подняли? Мало ему: его бы убить надо!

А я и говорю: — Неправда это. Он — мой сын, жив он, и плохого людям ничего не сделал.

Она вдруг присела, а я ей:

— Что вы испугались, я вам ничего не сделала.

Этот факт в переработанном виде вошел в повесть М. Горького почти полностью.

Но ни мать, ни я не знали тогда, какой величественный замысел вынашивает писатель в своей душе.

Три года спустя в начале осени

1905 года, когда я, убежав из сибирской ссылки, работал партийным организатором на заводах Петербурга, мне выдалось счастье встретиться с Алексеем Максимовичем лично. Он жил и работал в дачном двухэтажном доме на станции Куоккала Финляндской железной дороги. Эта территория прилегала к побережью Финского залива, куда меня направила партия для выгрузки закупленного оружия.

В ожидании парохода с оружием я направился по указанному мне адресу — на станцию Куоккала. Меня не предупредили, что там живет М. Горький, но я знал: раз адрес дан партией, значит, он надежен, значит, меня ждут верные люди. И чтобы не подвергать моих незнакомых друзей опасности быть выслеженными, я пошел прямо через густой лес, по бездорожью.

Нежданно разразившийся ливень до нитки промочил мою одежду. Когда я подходил к даче, то в моих сапогах хлопала вода, одежда прилипла к телу, всего знобило.

Ничто так не сохранила ставшая уже очень плохой моя память, как эту первую встречу с Максимом Горьким! Очутившись в большом дворе, обсаженном высокими деревьями, я шел по песчаной дорожке с одной мыслью, как бы скорее проникнуть в помещение и обогреться. И в упор столкнулся с высоким человеком в широкополой шляпе. Я сразу узнал Алексея Максимовича. В такой одежде я видел его несколько раз во время прогулок по нижегородскому Откосу. Таким писателя обычно изображали и на портретах. Алексей Максимович остановился, пристально посмотрел на меня, не могшего от волнения выговорить ни одного слова, затем быстро подошел и стиснул мои плечи в своих сильных, больших руках. Несколько минут мы стояли обнявшись — знаменитый писатель и революционер-подпольщик. Слезы струились по щекам обоих. Потом Алексей Максимович, отпрянув, отошел немного в сторонку и воскликнул:

— Так вот вы какой!

И вслед за этим сразу же:

— Да вы весь мокрый! Скорей, скорей в дом!

Он указал мне комнатку на первом этаже, а сам поспешил принести что-нибудь переодеться и согреть меня крепким горячим чаем.

Две недели я жил в доме писателя. Каждый день, обычно утром, после завтрака, я приходил к нему

в кабинет и рассказывал о своей жизни. Горький тщательно записывал каждое слово. После бесед в кабинете мы обычно выходили гулять во двор, и вопросы писателя были опять-таки в кругу интереса к моей жизни и работе. Однажды он спросил:

— А деньги, которые я послал вам на побег из ссылки, помогли вам, Петр Андреевич?

Я не знал, как благодарить его и только, крепко сжав его руку, сказал:

— В бою я загорожу вас, буре-вестника революции, своей грудью!..

— Я тоже загорожу вас своей грудью в бою, — тихо ответил Алексей Максимович, глядя прямо в мои глаза.

\*\*\*

Только много лет спустя состоялась моя вторая встреча с Алексеем Максимовичем. Встретились мы летом 1934 года в Москве, на квартире писателя, жившего тогда на Спиридоновке. Несмотря на свою мировую славу и громадные заслуги перед революцией, он остался прежним, чутким и отзывчивым человеком. Встретил меня очень сердечно.

— Ну, встретились старички! — после первого же приветствия сказал Алексей Максимович.

Говорил он мне, что моя жизнь значительна и что я должен писать свои воспоминания. Беседовали мы о международной политике нашей страны, о нашем строительстве, о колхозах и колхозниках. Я все по старой привычке сбивался на «ты» и извинился перед ним за это, а он мне ответил:

— Это хорошо. Так и надо. Это очень хорошо!

Вспомнил и про мою жену, дважды посетившую его в Москве. Алексей Максимович просил передать привет «Жозефине Эдуардовне» — даже и имени не позабыл! Ни тени высокомерия, ни тени чванства. Он остался каким был, и я ушел от него с громадным удовлетворением и глубокой благодарностью за то, что он ни в малейшей степени не поколебал моего представления о нем, как о великом пролетарском писателе-революционере.

Послал я М. Горькому после этой встречи воспоминания о своем безрадостном детстве и очень был польщен оценкой писателя. «Пером владеет, и перо хорошее», — написал он на рукописи, которую собирался подготовить к печати сам.

П. ЗАЛОМОВ.